

«На стихотворном чистом языке...»

В издательстве «Советский писатель» вышел сборник стихов Любови Николовой. Это первая ее книга, изданная в Москве. Сборник называется «Я живу под столетней ветлой».

Книга включает в себя стихотворения, давно знакомые кузбасскому читателю, и новые стихи, и поэму. Первые две книги Любови Николовой, изданные Кемеровским книжным издательством. — «Скрипичный ключ» (1974 год) и «Праземля» (1984 год) — отражали мироощущение юности и стихию корней, связей с родным, нужным и необходимым.

В новом сборнике явно видны несколько направлений. Во-первых, вечная для поэта тема детства, тема родины, истоков. Для Любови Николовой родина — заволжская равнина, на которой есть «пяточок земли... родимой, которая зовется просто глиной». «Бедная почва» не географический признак, не ландшафтный: это лучшее место на земле, полной «дорог, путей и направлений». Лучшее, потому что первое, потому что какие бы чудеса, «яркая экзотика», «заморские миры» ни встретил человек на пути — он все равно вернется, «по логике движения земного», к началу:

Чем больше красоты иной
взыскуешь,
тем больше ты по родине
тоскуешь.
Чем странствия занятней
и длиннее,
тем краткость наших встреч
тебе милее.

Родина — «чистая ягодка провинциального неба, искорка божья, кровинка, изюминка заходухастья» — питает творчество.

Но разглядишь, если духом
не слеп,
струйкою млеко,
калачиком хлеб.

Родина — не место отдохновения, не дачный уголок, не райское местечко первозданности среди «машинного гудя». Живые, сохранившиеся связи с нею побуждают к «трудной участи», «суровой судьбе». Хлеб истины горек и черен.

Улыбнулась я строгому
голосу,
И с тех пор поклонюсь
всегда
И ржаному насущному
колосу,
И тебе, мать трав
лебеда.

Но поэт не был бы поэтом, если бы не принял в себя все боли мира, как свои. Край, который стал для Любови Николовой второй родиной, Кузбасс, «страна мороза и металла», не в ладу с природой. И поэт не может не чувствовать и не сознавать этого.

Зеленый слой земли
уже смочила
из недр промышленных
текущая река...

В чем спасение? Спасение мира, земли, а значит, и человека? В том ли, что еще живы, если «в нас душа жива», «лен-конопель, люцерна, мыльный корень», другими словами, природа, из которой мы вышли? В том ли, чтобы сохранить память, впечатать ее в генетический код? Или все же спасение придет от чего-то совсем другого? Может, от того, что человек сознает гибельность теперешней своей установки, утверждающей приоритет «тяжести индустриальной»? Думается, поэт исповедует именно такое понимание — не просто модной, а глубоко насущной — темы экологии, толку симбиоз природы и человека как залог самой жизни на Земле. Понимание такое прорывается из естественного хода вещей. В число ценимых поэтом понятий входят любовь, живое, узы духовного, душевного родства. Среди

сродни интуитивному постижению или будет возвращением к «доброму старому разуму»? Поэт не дает прямого ответа. Да и не задается такой целью. Он формулирует «проклятые» вопросы. Дать ответ на них сможет только все общество, никак не отдельный человек, даже наделенный даром провидения и сверхинтуицией, в нашем случае — поэт.

А пока — пока ответов нет, пока единения с миром нет, поэт своими, данными ему средствами, скальпелем поэтической речи исследует «феномен жизни».

Как получилось? Как ей удалось стать жизнью? Косный мир пройти насквозь?

У метода исследования, принятого поэтом, в арсенале разные приемы. Наблюдение, исполненное то языческого восторга, то бесстрастности и спокойствия («И я обосновалась посмотреть на мир окрест, на землю и на твердь». «Как колышек однообразных ряд, как статуэтки, суслики стоят. Мелькает бабочка, как маскарадный маг. Без усталости пчела щекочет мак»). Интуитивное озарение, пронизывающее мрак незнания. «Я раздвинула ветки дрожащих осинок... Все увидела я: все сосуды твои, желчь и кровь, и болячки, и слезы потоком, кухню жизни, волшебю, проявляя любви. Все увидела я человеческим оком». Проникновение в знание, недоступное человеку, утерянное на ступенях эволюции («В собаке, нюхающей снег, творится ужас: ей понятно, какая сила к следу след оставила на белом пятне»).

Язык природы, язык растений понятен поэту: «Я водоросль. Из шелкового теста ты сотворил меня, господь, и дал мне место. И нарядил меня в одежду из ресниц. И разрешил навеки плавность жеста. И предназначил долю и блаженство...».

К утерянному знанию восходит и детское восприятие мира. Поэт, по сути, тот, кто не утерял первое, первородное, до второй сигнальной системы существовавшее.

Я помню счастье первого
пути —
все берегом да берегом
идти
и выдувать из глиняной
свистульки
каракули, мотивы —
завирульки.

В детстве позволительно «отдельности своей не понимать». По закону развития, по «логике движения земного» нераздельное единство с миром перерастает в осознание себя в мире, мира в себе. В поэте остается, как непреходящая составляющая, «власть чудесной мечты». Если в детстве, подчиняясь этой власти, в игре моделируя мир, «он худшую — лучшей землей заменяет», то теперь с той же методичностью и упорством ищет смысла, обоснования самого своего существования. Поэтическое «я», как известно, есть не что иное, как аккумуляция «я» всех других, живущих и живших... Из «Стихотворения в прозе»:

Спросили: хочешь начать
жизнь сначала?
Конечно, я не отказалась
бы прийти на землю
вновь...

Но не могу забыть
и оставить того, что уже
выработало
мое перегруженное сердце
и от чего оно теперь
болит.

Мне не освободиться
от мыслей, добытых
интеллектом в труде;
но обрести чуждств.

альную мысль. Право не только на землю, но и на небо, не только на материальное, но и на духовное, на «синюю высоту» полета...

Шипы и тернии познания преодолевает человеческое участие («Идвоем в дороге»).

Но расчлененный, понятый мир вдруг вновь предстает гармонией, жизнь оборачивается чудом... Вот незатейливое стихотворение «Снеговик»:

...быть чьим-то созданием — прелестно!
Ты вылеплен! Краткое чудо
цени, не растаял покуда.
Ведь слепят ли вновь —
неизвестно.

Анализ уступает место нерасчлененной стихии жизни. Многоликой, разной, которая «и горька, и сладка», в которой есть место и «повитому слезами восторгу», и «трагическому знанию» «о внутренних источниках любви, забытых и запущенных людьми».

Приоритет жизни, начальных, надсознательных ее связей над рассудочным провозглашает поэт. К числу движителей «краткого чуда» — жизни — относится «луч любви». Он — молния, что «в небе зародилась и в земле горючей разрядилась» — пронизывает все.

Горечь разлуки, свет счастья, трагизм любви — ахматовской «невстречи» — в стихотворениях «Цветок вишневый», «Я объяснит все это не берусь», «Иду, любовью долгою своей...». Любовная лирика принадлежит к числу лучших стихов в сборнике.

Наконец, нельзя не сказать об элементах фольклора, присутствующих в книге. Стихотворений, построенных, как прямое подражание фольклору или использование фольклорную форму для выражения сокровенной мысли, тревожащей поэта, немного. Но тем они ценнее. Поэт мастерски пользуется народной речью, вводит в ткань стиха ритмы сказа, плача, присказки. Ритм стиха часто близок строю народной музыки. Например, в стихотворении «Иванушка», которому предпослан эпиграф из Пушкина: «Уродился я, бедный недоносок, с глупых лет брожу я сиротою...»:

Ахтю, ахтю,
голова в деттю.
Шапка плисовая,
вся исписанная.
В сумке-котомке
сухари да корки...

Амбивалентность, двойственность присуща народному сознанию. Поэт не ставит задачу посмеяться над незадачливым «низким» героем: ведь он, герой, близок к природе, где «божьей вверенной потребе, вьется жаворонок в небе», и это становится его преимуществом...

Книга наполнена юмором, или, скорее, доброй улыбкой. «Малек с пшеничное зерно»; птицы, которые пригласают лирического героя: ласточка — «ловить чудесных мошек», аист — «к заветному болоту». Доброе отношение к миру, к земле, к ее обитателям рождает такой же добрый юмор:

И, выставив задорный
гребешок,
Гриб полуголый пел,
как петушок.

...В аннотации к сборнику, составленной москвичами, есть слова, не соответствующие истине. «Стихи... Любови Николовой просты и бесхитростны...». Сказать так мог только тот, кто ее стихов не читал. К счастью, Любовь Николова не относится к числу поэтов, чьи

приоритет «тяжести индустриальной»? Думается, поэт исповедует именно такое понимание — не просто модной, а глубоко насущной — темы экологии, толкуя симбиоз природы и человека как залог самой жизни на Земле. Понимание такое проистекает из естественного хода вещей. В число ценимых поэтом понятий входят любовь, живое, узы духовного, душевного родства. Среди ценностей не числятся разрушение, гибель, «ненависть» и «нежить». И посему экологическое кредо поэта кажется наиболее полно выраженным в стихотворении, может, не принадлежащем к числу лучших в книге, но по мысли — программном. Это стихотворение, которое называется «Гора». Оно говорит о том, что нет взаимопонимания между землей, природой и человеком. Но оставляет надежду, что оно будет. Будет ли язык взаимопонимания родственным «сквозному лучу космического чуда», будет ли этот язык

«Стихотворения в прозе»: Спросили: хочешь начать жить сначала? Конечно, я не отказалась бы прийти на землю вновь... Но не могу забыть и оставить того, что уже выработало мое перегруженное сердце и от чего оно теперь болит. Мне не освободиться от мыслей, добытых интеллектом в труде; не сбросить чувств, рожденных душою в муках... В зрелой душе, взыскующей и обретшей мудрость, «единое чувство звездной высоты, алмазной твердости и снежной чистоты», окрепла вера в свое предназначение. Вот строки из одного из лучших в книге стихотворений «Мусоргский»: «И в то, что уловлено слухом — чрез ноты, — вложил он себя, Россию и сердцем и духом то гневно, то скорбно любя». Поэт провозглашает право — и свое, и любого человека — на горение, на мечту, иде-

к себе ошателам рождает такой же добрый юмор:

И, выставив задорный
гребешок,
Гриб полуголый пел,
как петушок.

...В аннотации к сборнику, составленной москвичами, есть слова, не соответствующие истине. «Стихи... Любови Никоновой просты и бесхитростны...». Сказать так мог только тот, кто ее стихов не читал. К счастью, Любовь Никонова не относится к числу поэтов, чьи стихи действительно просты и бесхитростны, в которых минимум содержания. Стихи, входящие в книгу «Я живу под столетней ветлой», глубоки. Манера письма в лучших стихах сборника («Вдвоем в дороге», «Стихотворение в прозе», «Сладкого сна и блаженного отдыха...», «Цветок вишневый», «Я объяснить все это не берусь...») строга и точна. Четкость происходит от ясности. Ясности мысли и чувства. А это свидетельствует о зрелости поэта.

Т. ГОЛОВКОВА.